

АНТОН САСКОВЕЦ
Насосненские байки

Мем-орная лирика отставного сержанта

АНТОН САСКОВЕЦ

**Насосненские байки. Мем-орная
лирика отставного сержанта**

«Издательские решения»

Сасковец А.

Насосненские байки. Мем-орная лирика отставного сержанта /
А. Сасковец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966170-8

«Насосненские байки» — это набор ироничных рассказов о службе механика авиационного полка войск ПВО в конце 1980-х годов. Место службы — аэродром Насосная — было уникальным. Романтика авиации мешалась там со смехом и армейским бытом. И жизнь аэродрома становилась иногда весьма удивительной. Можно определить жанр книги модным словом мем-орная лирика. Набор мемов, которые, возможно, вызовут у читателя улыбку, с фрагментами коротких лирических эпизодов. Ведь авиация — это все-таки очень красиво.

ISBN 978-5-44-966170-8

© Сасковец А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Самолеты:	7
Казарма:	9
ДСП:	11
Казарма:	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Насосненские байки

Мем-орная лирика отставного сержанта

Антон Сасковец

© Антон Сасковец, 2019

ISBN 978-5-4496-6170-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Уважаемый читатель!

Честно предупреждаю: реальность, описанная в книге, не адаптирована под современные лакированные представления об СССР. Поэтому книга может вызвать негатив у любителей строевой подготовки и идеальных построений. Я писал так, как думал и чувствовал тогда, и о том, что происходило у меня на глазах. Без какой-то чернухи или жареных фактов. Никого не хочу обидеть или расстроить. А потому, если Вы – чувствительный человек в упомянутых выше вопросах, лучше сразу же закрывайте сборник и переходите к другой литературе. Единственная цель автора – поднять читателю настроение, других целей у меня нет.

Предлагаемые рассказы – не автобиография и не историческое свидетельство. Это именно собрание баек, которые травят о службе в хорошей дружеской компании. Когда не нужно что-то приукрашивать или врать, а можно говорить правду. Причем правду интересную и смешную. Рассказать было о чем, и я всегда хотел эти байки записать. Наконец, 30 лет спустя, собрался.

Писал только от первого лица и описывал только то, что видел своими глазами (за исключением нескольких коротких эпизодов, описанных со слов друзей или самими друзьями). Более того, многие упомянутые в сборнике люди его прочли. Так что здесь нет ни преувеличений, ни выдумок.

Я погрешил против истины только в одном: все диалоги переведены с нецензурного на обычный литературный русский язык. Надеюсь, читатель простит меня за такое отступление от реальности. В остальном же описана жизнь сержанта первой эскадрильи 82-го ИАП ПВО, базировавшегося на аэродроме Насосная на окраине города Сумгаит в Азербайджане. Описанные события охватывают период с октября 1987 года по май 1989 года, когда я там находился.

И наконец, короткая автобиографическая справка, чтобы были понятны некоторые детали рассказов. Я был призван в армию после успешной сдачи весенней сессии, то есть закончив 2-й курс физического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Потому что тогда призывали всех студентов, независимо от наличия в ВУЗе военной кафедры. Лето 1987 года провел в школе младших авиационных специалистов в городе Кусары на севере Азербайджана. И стал механиком по авиавооружению. В конце октября 1987 года нас привезли на автобусе на аэродром Насосная. Примерно неделю распределяли по эскадрильям. А потом выдали техническую форму одежды и отправили на стоянку...

Самолеты: Первые шаги на стоянке

Стоянка – волшебное место. Издалека смотришь – скопление невысоких холмов, а между ними видно самолеты. Когда проходишь по тропе через покрытое верблюжьей колючкой и жесткой травой поле и пролезашь через дырку в проволочном заборе, капониры становятся горами. Между ними обнаруживается бетон. К воротам каждого капонира идет ответвление. В капонирах и на площадках между ними стоят самолеты. С непривычки они тоже кажутся огромными. Почему первые шаги по стоянке начались с дырки в заборе? А так от казармы идти быстрее. Напрямик. По тропинке.

Еще на стоянке есть инженерный домик. Около него беседка, увитая виноградом – курилка. Там и происходит развод на работы, если в этот день нет полетов. Полетов в наш первый день, естественно, не было. Познакомили нас с будущими командирами, да и отправили на своеобразный «курс молодого бойца». На корабле, говорят, новоявленных матросов отправляют точить якорь и чистить клотик. Первое задание, которое дали нам, было исполнено столь же глубокого смысла.

Надрыв за капонирами полыни и поплеывая на испачканные зеленью остро пахнущие ладони, мы стали эти самые капониры подметать. С трех сторон капонир выглядит как большой холм. С четвертой стороны холм срезан и видно, что внутри это – арочное укрытие из бетона. Ворота – толстенные, больше метра. У каждой воротины свой мотор, который ее двигает. Катит по стальной рельсе в бетоне огромное стальное колесо. Воротина медленно закрывается. Или открывается. Арка высокая – намного выше килей самолета. Внутри – ровный бетонный пол. Его и подметаем.

Я находился в состоянии благоговейного восторга: все было самое настоящее. Самолеты! Для меня не так уж важно было, что эти самолеты – боевые. Намного важнее, что они – реальные, что они – летают. На самом деле, а не в кино или в музее. Именно вот эти огромные железяки. До жути красивые. И до них можно дотронуться. Так и махали мы вениками из полыни целый день, с перерывом на обед. А на следующий день задание вышло посложнее.

Погода стояла серая, осенняя: мелкая морось, насосненскую глину развезло. Хорошо что техничка теплая, легкий дождик и ветер в ней нипочем. Поднимешь теплый меховой воротник, застегнешь шлемофон – это такой головной убор, вроде шлема у танкистов, только мягкий – и порядок. Пока дошли до стоянки по тропинке, на сапогах налипли огромные комья глины. Кое-как очистили подошвы и голенища о траву и бетон, но все равно, конечно, сапоги были грязные. А задание на этот раз было ответственным: помыть самолет керосином. Да-да, берешь ведро с керосином, залезаешь на фюзеляж сверху и тряпкой аккуратно моешь. Чтобы он летал лучше.

Залезают на самолет по стремянке, которую ставят к кабине летчика. По левому борту. Совсем рядом с ней – обрез левого воздухозаборника, как плечо гиганта. Поднимаешься на него, и можно свободно ходить по фюзеляжу сверху. Крылья, как мощные руки, идут от воздухозаборников слегка вниз, в стороны и назад. А посреди фюзеляжа проходит гребень. Как позвоночник. Сзади – два огромных кия. Высота над бетонкой – метра четыре, наверное. Красота... Но это все мы увидели потом.

А сначала техник поморщился, глядя на наши сапоги: «Это что же, вы в таком виде на самолет полезете? Только испачкаете!» И повел он нас к стойке правого шасси. Так я впервые увидел знаменитую «массандру» – спиртоводяную смесь, которая на МиГ-25 использовалась для охлаждения двигателей. Это вам не тормозная жидкость, не денатурат. Пополам спирт-ректификат с дистиллированной водой. Водка.

Открыл техник кран, и полилась в ведро струя со специфическим, знакомым каждому алкоголику заветным запахом. Как из водопроводного крана. Набрал он, наверное, литров пять, и дает нам ведро: «Мойте сапоги!». Ну что делать? Стали глину с сапог водкой отмывать. Сначала струей из-под крана, потом тряпкой из ведра. Мою я сапоги и думаю: вот какой-нибудь алкаш, он бы меня за такое святотатство убил, наверное. Или плакал бы, слезами горючими...

Ну а третье задание было еще круче. Самолет помыли – теперь нужно в воздухозаборниках пыль протереть. Выдали нам тряпки чистые, новые, поставили к воздухозаборникам стремянки, ну и... Ну и вот. Нужно в него залезть. Внутри. Воздухозаборник выглядит как огромный прямоугольник, если смотреть на самолет спереди. А сбоку он наклонный. Внутри канал сужается, круглясь, нужно ползти на четвереньках. А дальше там стоит рассекатель потока – из потолка канала торчит балка с горизонтальными плоскостями. Ну и в глубине, за рассекателем, еще немного проползти, и уже компрессор. Турбина.

Вот все это нужно было тряпочкой протереть от пыли. До самого компрессора. И вылезти обратно. Под рассекателем приходится совсем уже червем ползти, там места мало. Конечно знаешь, что никто двигатель не заведет, пока ты там внутри. Но жуть пробирает. И, конечно, пыли там никакой нет. Зато после этого упражнения подходить к воздухозаборнику никакого нет желания. Внушает уважение самолет – и размерами своими, и мощностью.

Казарма: Старшина, гармошка, спирт

Со старшиной нам повезло. Во-первых, он был русский, а точнее – молоканин. Мы тогда не разбирались в тонкостях религиозных течений, и поняли просто: русский, предки которого уже давно живут в Азербайджане. Может сто лет, а может двести. Фамилия его была Романенко. В любом случае, из всех прапорщиков, появившихся в казарме, он был чуть ли не единственным русским. И на том спасибо. Тем более, что человек он был незлобный и не вредный. Это во-вторых. Хотя было ему с нами тяжело.

Прежде всего, в казарме было холодно. Первую зиму, помню, плюс восемь градусов. И заставить нас убирать в кубрике было сложно. Кроме того, нас было мало. Народу ходить в наряды подчас не хватало. После того как уехали домой ленинградские сержанты-дембеля, сержантами сделали меня и одессита Витю Черного. Витя утверждал, что его гражданская специальность вор-карманник, и строго соблюдал правило «неработания». То есть ничего не делал. «Их бин большой», и все тут. Ну а я считал, что вся эта армейская показуха типа кантиков на одеяле – устарела и никому не нужна. На боеготовность не влияет.

Помнится в самом начале первой армейской зимы, чтобы сделать казарму хоть немного теплее, нас переселили в соседнюю, а в нашей стали делать ремонт. Закладывать проемы в стенах кубриков блоками, чтобы тепло не уходило в коридор. Мы туда периодически ходили помогать. А Ромашка, как мы звали старшину, всюю там орудовал раствором и мастерком, строил, измерял, красил, и только на нас покрикивал. Но вообще я его видел не очень часто, поскольку открыл для себя наряд ДСП (то есть дежурного по стоянке). И постоянно ошивался там. Потом Витя тоже просек все прелести этого наряда, и мы ходили в него по очереди.

Важной задачей старшины было удержание нас в рамках приличий. Чтобы мы не пили и вообще вели себя по Уставу. Спорить с нами он не мог, ругаться не любил, и мы в целом уживались мирно. Только периодически он занудствовал. Зато иногда устраивал нам культурные вечера: доставал из каптерки гармошку, и начинал играть. Это было довольно наивно, мы посмеивались, но сейчас я вспоминаю эти его концерты с теплотой. Он ведь честно хотел как лучше.

Трезвость... Здесь было два аспекта. Во-первых, если солдаты попадались на пьянке в казарме, старшине влетало тоже. А во-вторых – мы были для него единственным источником бесплатного спиртного. Как мы со временем выяснили, его «сослали» со стоянки в казарму за какую-то провинность. И спирту (а также «массандры») ему не давали. Не наливали, точнее. Ну а мы, завоевав доверие техников, доступ к спирту имели. Задача старшины была – отбирать спирт у нас.

Надо сказать, что иногда ему везло. Поначалу. Но потом кто-то (не помню уже кто) придумал замечательный тайник. У каждой эскадрильи в казарме была сушилка. То есть комната с огромной батареей в рост человека, на которой в случае чего можно было сушить одежду. Рядом с батареей было небольшое вентиляционное отверстие, закрытое пластмассовой решеткой. Поскольку в подвале казармы стояла вода, иногда туда попадала канализация, и вообще оттуда пахло не очень приятно, поверх решетки к стене прибили кусок линолеума.

Линолеум этот отгибался снизу. Так вот ребята подпилили решетку так, что ее можно было отогнуть и просунуть в отверстие солдатскую металлическую фляжку в матерчатом чехле. Фляжку привязывали на нитку такого же зеленого цвета, как и решетка. И аккуратно спускали вниз. Нитку закрепляли на решетке. Потом аккуратно ставили на место отогнутый кусок, опускали линолеум... Все чисто, ничего у нас нет.

Надо сказать, что если случайно пролить на этот чехол немного спирта (или «мас-сандры»), он некоторое время продолжает благоухать. И вот заходит старшина в сушилку, и по запаху понимает: ОН здесь есть! Как волк метался Ромашка по сушилке, принюхивался, все переворачивал... Но за все время так ни разу фляжку и не нашел. Особенно он переживал, обнаружив ее утром, уже пустую, у кого-то в тумбочке. Мы делили тумбочку с Болеком Рудским. И вот как-нибудь просыпаемся – а старшина устраивает шмон в тумбочках перед подъемом. И начинается:

– Рудский и Сасковец, вы задолбали! Вы сопьетесь!

– Да мы вообще не пьем, товарищ старшина!

– А это что? Откуда? – и показывает на фляжку.

– Фляжка. Не знаем, откуда, ночью кто-то пил и нам пустую подсунул, мы-то здесь при чем?!

На мое двадцатилетие – это уже за полгода до дембеля – ко мне приехали мама с бабушкой. Меня вызвали со стоянки, я прибежал, целую их. А они сидят с Ромашкой в курилке около казармы. И бабушка мне таким строгим голосом говорит:

– Антон, старшина говорит, что ты совсем не хочешь командовать! Я же в детстве учила тебя вырабатывать громкий командный голос! – это она намекала на любимый нами обоими фильм «Офицеры».

Я только улыбнулся в ответ, а старшина горестно махнул рукой: мол, все теперь понятно. Яблочко от яблони далеко не падает. Хороший он был человек, при всех своих минусах.

ДСП: Я хожу в ДСП

ДСП – это дежурный по стоянке подразделения. Утром берешь в оружейной комнате автомат с пустым магазином, и идешь на стоянку. Там находишь часового и обходишь вместе с ним все самолеты. Проверяешь печати (спиртовой бачок, бачок антиобледенителя, точки слива спиртоводяной смеси, кабина). Кажется, у нас еще и секретный блок опечатывали, но его мы не проверяли никогда: ну кому они нужны – эти коды «свой-чужой»? Только агрессору. Да ведь агрессора на стоянке, на аэродроме, ну и вообще поблизости нет. А вот спирт и «мас-сандра» нужны всем! И авиационные часы, которые в кабине установлены, дорого стоят. Вот их наличие и проверяли.

Все приняли, караул уехал – дальше до вечера задача ДСП, чтобы самолеты со стоянки не украли. Нет, правда, у нас даже инструкция была, что делать в случае угона самолета со стоянки. Там на выезде, где были никогда не закрывающиеся проволочные ворота, около рулежки стоял большой ящик с камнями. И героический ДСП должен был набрать камней и на бегу кидать их в воздухозаборники выезжающему со стоянки самолету. Да-да, вот так бежать и кидать, бежать и кидать.

Еще на стоянке были ракеты «воздух-воздух». Иногда – на тележках под самолетами, иногда – на крыльях подвешенные, а иногда – в ракетном хранилище. Вот их тоже нужно было охранять, чтобы не украли. Поскольку, повторяю, кроме спирта и часов на стоянке никого и ничего заинтересовать не могло, то в пору одиночества важно было поглядывать, чтобы никто не вертелся у самолетов. На моей памяти вертелись только коровы, и только один раз.

Хорошо, когда на стоянке были техники. Можно было и родной группе авиавооружения помочь, и в нарды поиграть, ну и вообще было не скучно. А вот когда полеты, или когда обед... Нет ведь никого. Ветер дует – а он там дует всегда, и зимой и летом. И все. Никого и ничего нет. И все-таки я этот наряд любил: в отличие от казармы, никто не пристаёт, глупостей не требует, читай сколько хочешь, письма пиши, сколько хочешь. Учись, коли приспичило. Так, поглядывай по сторонам – для спокойствия. Да и поспать вполне случается.

Но сколько ни придумывай себе занятий, пустая стоянка доводит до всяческих глупостей. Помню, я изобрел сам для себя соревнование. Летом мы ходили в летней технической форме: легкий комбинезон – штаны и куртка песочного цвета. Туфли, неотличимые от обычных гражданских. Носки. И берет. На полетах берет привязывали веревочкой к куртке, чтобы в случае чего его не засосало в двигатель. А на стоянке я его отвязывал.

И начиналась потеха. Определяешь направление ветра. Ставишь берет под острым углом к нему, чуть закручиваешь – и пускаешь по бетону. Если все правильно сделать, ветер берет надувает, и он катится по плитам. Как яхта по волнам, слегка наклонившись. Метров 200—300 берет у меня проезжал, при оптимальном ветре. До дальних капониров, на выезде со стоянки.

Ветер, повторяю, дул там всегда. Различие было только в его направлении и силе. Сильный ветер – это когда камушки поднимает с земли и в лицо кидает. И идти против такого ветра приходится согнувшись. В такие моменты, если погода была хорошая и дуло с моря, я любил залезать на дальний капонир, на самый верх, вставать лицом к ветру, раскинув руки, и наклоняться вперед. Ветер тебя держит, как подушка. И, кажется, выдувает все плохое изнутри, все кислые мысли, все обидки, все горести. Главное, чтобы он не с заводов химических дул.

Еще на стоянке можно было смотреть на скорпионов и змей. Они у нас жили около ракетного хранилища. Фаланги тоже там жили. Вообще ракетное хранилище было таким опасным местом, около него босиком (и даже в туфлях) лучше было не бродить. Только в сапо-

гах. Мало ли... Ребята у нас всю эту живность ловили. Скорпионов – спичечным коробком. А для фаланги опускали в норку пластилиновый шарик на веревочке. Фаланги в земле живут, в норах. Она вцепится в шарик – а отлепиться уже не может. И ее за ниточку вытаскивают... Но я, признаться, зловредных насекомых старался сразу и немедленно давить – сапогом. Недружелюбно. Зато практично и безопасно...

В обед мне приносили еду. В армейском котелке. Обычно это было второе и несколько кусков хлеба. Кормили в солдатской столовой ужасно. Но на ветру да на холоде пара кусков мяса с комбижиром и какой-нибудь гарнир были вполне к месту. Помню, как-то раз еду мне принес сам старшина. Все нахваливал: мол, он мне горохового супу принес. Наваристого.

Ну я, конечно поблагодарил, открываю крышку... Ой. Смотрю, а мой гороховый суп прозрачен почти до доньшка. Принюхался... Все понятно. Набираю ложку сверху, дую на нее – суп на глазах застывает! Стал я этот «суп» потихоньку выливать на бетон. А он и на бетоне застывает, как воск на свечке. Розовым таким наплывом. Температура была – градусов 15 тепла, не ниже. Все ясно. Комбижир один. Есть это – себе дороже. Ну вылил я свой супчик, сижу на ракетном ящике, ногами болтаю. Злой и голодный.

Приходят техники с обеда – и один из них ко мне.

– Кто это, – говорит, – Около моего самолета какую-то дрянь на бетон вылил? И что это за дрянь?

– Извините, – отвечаю, – я это. Это мой супчик. Старшина вот на обед привез. Сейчас соскребу.

Посмотрел он на меня молча, а потом сел на велосипед и уехал. Возвращается с пакетом:

– Держи. Это из офицерской столовой.

Открыл я пакет – а там хлеб настоящий, белый, не такой, как нам давали, и котлеты. Хороший человек, что сказать. Спасибо ему.

Обед прошел – наступает вторая часть рабочего дня. Потом все уходят со стоянки, а ты так до вечера и бродишь. Вечером караул приедет – опять самолеты обходим, все печати проверяем. Дальше часовой остается, ну а я иду в казарму, ужинать и спать. Хороший наряд. Спокойный.

ДСП

Казарма: Сушилка

Сушилка – это тоже волшебное место. Тот, кто придумал в казарме сушилку, достоин на мой взгляд огромной благодарности. Ибо она великолепно скрашивала наши армейские будни. Итак, в теории это место, где сушат одежду. То есть там стоит огромная батарея, которая выдерживает много мокрой одежды. Или несколько спящих людей. Да-да, если положить на батарею сверху матрас, можно прекрасно на ней спать, как на верхней полке в поезде. Напротив батареи на крючках висит подменная одежда, а также технички, у окна стоит стол.

Впервые я познакомился с сушилкой, когда только попал в эскадрилью. Сержанты-дембеля, а они были из Питера, пригляделись к нам и выделили нескольких человек. И вечером позвали в сушилку поболтать. Вот там я впервые увидел, как заваривают чай по-армейски. В трехлитровой банке. Кипятильником из лезвий. В сушилке было темно, только на столе горела настольная лампа. Она подсвечивала банку, в той бурлила вода и взмывали в самых немислимых направлениях разворачивающиеся чайники...

Вообще этот «агрегат» весьма прост в изготовлении и употреблении. Но, конечно же, опасен. Сейчас их уже и не встретишь, а раньше всепобеждающие лезвия для бритвенного станка, именуемые «Нева», продавались везде. Побриться ими было нереально, поскольку они моментально тупились и бритье было жутко болезненным, при нулевом эффекте. Зато если положить на такое лезвие две спички, потом положить сверху второе лезвие, и все это накрепко связать, а потом прикрутить к каждому из лезвий провод, и наконец сунуть вилку в розетку...

Если все сделано правильно, то трехлитровая банка вскипает довольно быстро, и пробки при этом не вышибает. Правда, если лезвия расположены слишком близко, происходит частичный электролиз воды. То есть вода разлагается на водород и кислород. Не случайно на этом горючем летают некоторые космические ракеты. Оно экологически чистое и при этом мощное. В общем, если с лезвиями переборщить, водород взрывается, банка раскаляется и вода окатывает горе-экспериментаторов. После чего происходит короткое замыкание и дежурный по полку (офицер) начинает остервенело метаться по казарме в поисках виновных.

Мы сушилку любили. И как-то раз решили ее одомашнить. Притащили со стоянки парашютную ткань, повесили занавески на окно. Принесли тумбочку из кубрика. А чтобы была какая-то эстетика, развесили по стенам художественные плакаты. Плакаты взяли, естественно, из ленкомнаты. То есть ленинской комнаты, где проходили политзанятия (так называлось в то время дежурное промывание наших неокрепших в борьбе с гидрой империализма мозгов).

В ленкомнате лежала большая папка, а в ней – обличающие империалистов творения советской пропаганды. Больше всего мне нравился плакат, где злобный куклуксклановец в длинном белом колпаке, держа в руке пистолет, выглядывал из-за могильного креста. Вот такие произведения мы по стенам и развесили. За неимением импрессионистов, передвижников и Куинджи.

И надо же такому случиться, чтобы буквально через пару дней в казарму заглянул наш комэска, подполковник Смолиговец. С замполитом эскадрильи, капитаном Кувиковым. Может быть, ему старшина пожаловался на нас, а может быть, просто сработало чутье. В общем, он сначала нас построил, объявил Болеку и еще кому-то сколько-то суток ареста за плохо подтянутый ремень, а потом скомандовал открыть сушилку. Деваться было некуда – открыли. Комэска зашел туда и обомлел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.